

СЕМИОТИКА ТРАНСГРЕССИИ: Ю.М. ЛОТМАН КАК ЛИТЕРАТУРОВЕД И ФИЛОСОФ

Публикация подготовлена в рамках поддержанных РГНФ научных проектов № 15-33-01222 и 15-34-11045.

Рассматривается вопрос о взаимопроникновении литературоведения и философии на материале наследия Ю.М. Лотмана. Автор обосновывает положение, что концептуальным разработкам и исследованиям текстов художественной литературы Ю.М. Лотмана принадлежит значимое место в становлении постметафизической культурно-философской парадигмы. Показано, что одним из центральных пунктов работ Ю.М. Лотмана является феномен нарушения границ, т.е. трансгрессии. Исследования Ю.М. Лотмана позволяют эксплицировать различные аспекты феномена трансгрессии.

Ключевые слова: Ю.М. Лотман; трансгрессия; граница; семиосфера; А.С. Пушкин; Н.В. Гоголь; семиотика; литературоведение; философия.

Филология и философия не отделены друг от друга непроходимыми границами. После связанного с кризисом классической европейской метафизики лингвистического поворота значимость теоретического и методологического потенциала филологии начинает приобретать значительно более высокую оценку в философском дискурсе. В XX столетии философия, с одной стороны, активно взаимодействует не только с лингвистикой, но и с литературоведением, в ряде случаев вступая в исконное пространство последнего: в сферу художественного текста. В частности, одна из наиболее знаковых философских работ прошлого века – «Логика смысла» Ж. Делеза [1] – целиком построена на материале анализа сказок Л. Кэрролла. С другой стороны, литературоведение начинает приобретать явно выраженную философскую ориентированность: работы М.М. Бахтина дают в этом плане достаточно яркий пример [2].

Другим не менее ярким свидетельством взаимопроникновения философии и литературоведения может служить наследие Ю.М. Лотмана. Выступая в качестве исследователя художественных текстов и культуры в целом, Лотман не просто применял концептуальные разработки К. Леви-Стросса, Р. Барта и отчасти М. Фуко¹. Проявленные в его работах оригинальность и самобытность мысли позволяют утверждать, что Лотману принадлежит значимое место в становлении и развитии неклассической парадигмы философской мысли. Этот тезис носит принципиальный характер и нуждается в специальном изучении и обосновании. Проблема состоит в том, что в отличие от исследований Бахтина, работы Лотмана не были в достаточной степени восприняты на Западе в своем философском аспекте. По этому поводу Н.С. Автономова отмечает, что «переводы лотмановских работ на Западе были доступны прежде всего славистам, и потому не находили (во всяком случае, во Франции и США) должного резонанса. Этим Лотман отличался от Бахтина, который своими текстами, казалось, всегда попадал в резонанс, даже если это случалось в силу какого-то исторического и кулуарного перекося восприятия» [3. С. 355].

Современная неклассическая философия возникает из кризиса метафизической парадигмы и характеризуется поиском неметафизических способов философствования. Одним из вариантов постметафизической организации философского дискурса становится

парадигма трансгрессии. Данная парадигма распространяется не только на философию, но проникает и в литературоведение [4, 5]. Роль М.М. Бахтина в становлении этой парадигмы в целом учтена европейскими исследователями [6]. Роль Ю.М. Лотмана – нет. Вместе с тем вклад последнего не менее значителен и существен. Хотя сам Лотман не использовал термин «трансгрессия», проблема границы и способов ее нарушения (т.е. трансгрессии) получает в его книгах и статьях столь тщательную разработку и занимает столь существенное место, что можно говорить о Лотмане как об исследователе именно трансгрессивных феноменов в литературе и культуре. Причем это исследование обладает как литературоведческой, так и философской значимостью.

Трансгрессия как особенность поэтики и художественного мировоззрения А.С. Пушкина

М.М. Бахтин раскрыл не сводимую к единству множественность и гетерогенность в качестве основной черты поэтики романов Ф.М. Достоевского [7]. Ю.М. Лотман сделал аналогичное открытие на материале поэтики произведений А.С. Пушкина. Уже в первом русском романе, согласно Лотману, мы обнаруживаем единой и подчиняющей себе все содержание произведения авторской позиции. Вместо этого в «Евгении Онегине» мы можем наблюдать трансгрессию позиции автора как носителя высшего сознания. В пушкинском романе в стихах отсутствует единая и универсальная точка зрения, подобно тому, как отсутствует универсальная система отсчета в неклассической физике: «Да и сама авторская оценка дается как целый хор корректирующих друг друга, а иногда взаимоотрицающих голосов. Гибкая структура онегинской строфы позволяет такое разнообразие интонаций, что в конце концов позиция автора раскрывается не какой-либо одной сентенцией, а всей системой пересечения смысловых напряжений» [8. С. 23].

С.А. Кибальник подверг выделенный Лотманом принцип противоречий критике в качестве «структуралистского мифа» [9]. Однако для целей нашего исследования вопрос, действительно ли в пушкинском тексте присутствуют неснятые противоречия, не столь значим. Для нас значимо то обстоятельство, что Лотман эти противоречия видит и фиксирует в качестве основного момента поэтики «Евгения Онегина».

Мотивы такого прочтения не могут быть исчерпывающе объяснены давлением структуралистской методологии. Кризис метафизической парадигмы поставил под сомнение онтологический статус картезианского субъекта как носителя единой и универсальной истины [10. С. 1424]. В философии, литературоведении, культуре в целом начинаются поиски новых концептуальных горизонтов, позволяющих раскрывать множественный и гетерогенный характер существования, который не может быть подчинен какому-либо высшему единству². Диалектика не обеспечивает адекватное решение данной задачи, поскольку сводит противоречивые стороны действительности к моментам движения идеи, духа или материи. Новая парадигма зарождается в философии жизни.

Стоящий у истоков данного процесса Ф. Ницше мыслит уже не метафизически и не диалектически. Основу его философствования составляет тот самый принцип неснятых противоречий, о котором применительно к творчеству Достоевского говорил Бахтин. Данная особенность ницшевского мышления была детально проанализирована К. Ясперсом. Последний показал, что у Ницше практически нет ни одного положения, которому не соответствовало бы утверждение противоположной точки зрения. Ницше противоречит сам себе и эти противоречия не снимает, но, напротив, сознательно умножает, доводит их до предела. Тем самым ему удается уклониться от построения выражающей единую точку зрения *системы* и раскрыть бесконечно противоречивый и многогранный, перспективный характер *жизни*. «Позитивное Ницше понимает не в обретающей плоскую определенность имманентности, а, скорее, в бесконечном горизонте, в *неопределенной безграничности*» [14. С. 584].

В своем прочтении пушкинского романа в стихах Лотман руководствуется аналогичной установкой: «За таким построением текста лежало представление о принципиальной несовместимости жизни в литературу, о неисчерпаемости возможностей и бесконечной вариативности действительности» [8. С. 23]. Лотман не просто использует популярную в его время методологию структурализма, но становится в эпицентр процесса смены культурных и философских парадигм.

Остается, конечно, вопрос, не совершается ли при таком подходе насилие над русской классикой. На наш взгляд, «насилие» совершается не по отношению к русской классике, но по отношению к установившемуся и ставшему общепринятым способу ее прочтения. Пушкин в своем творческом становлении очень быстро освоил и оставил позади классицизм и романтизм. Дальше, согласно распространенному взгляду, следует реализм как установка на раскрытие детерминированности характеров средой (социальной, политической и т.п.) [12]. Такая позиция соответствует классическому детерминизму в физике, а в философии выражается в хрестоматийном марксистском тезисе, что сознание определяется общественным бытием. Реализм в литературе требует также существования единого универсального сознания, способного отразить социальную действительность в качестве целостного феномена. В основании такого подхода лежит метафизическая схема, полагающая

существование единого бытия и / или единого сознания. Бахтин определяет подобную установку как принцип монологизма³ [7]. Отсюда следует, что если лотмановское прочтение Пушкина может быть подвергнуто критике в качестве тенденциозного, то и прочтение Г.А. Гуковского следует оценивать по аналогичным критериям – как тенденциозное не в меньшей степени. Просто речь здесь идет о принципиально различных тенденциях, соответствующих разным культурно-философским парадигмам. Классическая физика не является более истинной по сравнению с квантово-релятивистской. Также и интерпретация Пушкина в канонах реализма не может претендовать на привилегированный статус по отношению к структуралистской. Реализм представляет собой такой же «миф», а точнее, продукт определенной парадигмы мышления. К тому же, такие сложные и многоаспектные понятия, как «реальность», «действительность», «жизнь», допускают весьма широкий спектр определений. Если для Гуковского это социальная среда, то для Лотмана – это подвижная, открытая и многозначная структура, трансгрессивная по своей природе.

Лотман сам дает достаточно ясные указания по поводу философского содержания своего подхода к наследию Пушкина и к русской классике в целом. Принцип монологизма основан на метафизическом постулате о существовании вечной и универсальной истины: «В искусстве XVIII в., традиционно определяемом как классицизм, этот единый фокус выводился за пределы личности автора и совмещался с понятием истины, от лица которой и говорил художественный текст. Художественной точкой зрения становилось отношение истины к изображаемому миру. Фиксированность и однозначность этих отношений, их радиальное схождение к единому центру соответствовали представлению о вечности, единстве и неподвижности истины» [8. С. 69]. Парадигма, утверждающая истину или субъекта в качестве метафизического центра, оспаривается парадигмой, полагающей множество рассеянных центров или отсутствие центра как такового: «Однако возможна и такая структура текста, при которой художественные точки зрения не фиксируются в едином центре, а конструируют некое рассеянное пятно-субъект, состоящее из различных центров, отношения между которыми создают дополнительные художественные смыслы» [Там же].

Видение мира как соотношения рассеянных и множественных центров соответствует уже не столько структуралистскому, сколько постструктуралистскому направлению в философии и литературоведении. Именно здесь концепт трансгрессии приобретает определяющую значимость – подобную той, какая в метафизике принадлежала трансценденции, а в диалектике – диалектическому (т.е. подлежащему снятию) противоречию [17].

Лотман уделяет много внимания анализу феноменов нарушения границы в художественных текстах. Исследования, посвященные наследию А.С. Пушкина, не являются исключениями в этом плане. Так, отмечается феномен нарушения синтаксических и метрических границ в «Евгении Онегине»⁴. Чтобы данное нарушение приобрело значимость и было зафиксиро-

вано вниманием читателя, необходимы предварительное установление и артикуляция самих границ: «Таким образом, соотношение между нарушениями и соблюдением ритмической границы таково, чтобы она постоянно сохранялась в сознании читателя (следовательно, чтобы нарушение ее было значимым). И одновременно требуется, чтобы читатель чувствовал, что подобные нарушения происходят достаточно часто, что, следовательно, они не могут быть случайными и, очевидно, ему предлагается не какая-то одна поэтическая структура, а отношение двух структур – утверждающей некие закономерности и их разрушающей. Причем именно отношение (одна структура на фоне другой) является носителем значения» [8. С. 84–85]. Данный фрагмент в целом выдержан в рамках структуралистского подхода: значимость трактуется как результат различительных оппозиций⁵. Однако выделение в качестве существенного момента феномена нарушения границ смещает акценты в сторону постструктурализма. Трансгрессия в постструктуралистской философии выступает именно в качестве функции, отношения, в то время как метафизическая парадигма была ориентирована преимущественно на субстанции и сущности.

Привести многообразное и разнородное к единому – задача метафизики. Вскрыть в едином множественное и гетерогенное – задача постметафизической культурно-философской парадигмы, к которой принадлежит и Ю.М. Лотман. Если исходить из метафизической парадигмы, то в Пушкине можно увидеть певца всепроникающей гармонии. Исследователь постметафизической ориентации, напротив, будет раскрывать в произведениях русского классика сугубо трансгрессивные феномены – «трагические разрывы, глубинные контрасты» [Там же. С. 126].

В пушкинском наследии особенно богатым материалом для исследования трансгрессивных феноменов являются «маленькие трагедии». Согласно Лотману, одним из центральных мотивов «Каменного гостя», «Моцарта и Сальери», «Пира во время чумы», а также «Скупого рыцаря» является «гибельный пир». Связь пиршественных образов со смертью была выделена М.М. Бахтиным в качестве одного из элементов карнавального мировоззрения [20]. По Лотману, смысл «гибельного пира» состоит в нарушении запретов: «При этом во всех случаях пир имеет не только зловещий, но и извращенный характер: он кощунствен и нарушает какие-то коренные запреты, которые должны оставаться для человека нерушимыми» [8. С. 155]. Нарушение коренных, не долженствующих быть нарушенными запретов – это трансгрессия в том смысле, в котором писал о ней Ж. Батай [21]. Коренные запреты являются выражением высших, сакральных и метафизических границ, которыми определяются пространство культуры и сфера человеческого бытия. Однако внутренняя безграничность, незавершенность и неопределенность человеческого бытия приводят к тому, что человек оказывается способен нарушать самые высшие запреты, преступать непреступаемые границы, достигать последних рубежей и пределов. Человек характеризуется как способностью полагать высшие границы (трансценденция),

так и способностью их преступать (трансгрессия). При этом значение трансгрессии не сводится только к деструкции высшего и сакрального. Парадоксальным образом трансгрессия может служить и путем к утверждению высших ценностей. Так, с одной стороны, Лотман пишет: «Мир “маленьких трагедий” – мир сдвинутый, находящийся на изломе» [8. С. 159]. Но с другой стороны, «именно разрушение нормы создает образ необходимой, хотя и нереализованной, нормы» [Там же]. В другой своей работе и на основе анализа иного материала Лотман заметит: «В этом отношении петербургские анекдоты о кощунственных выходках против памятника Петру I <...>, как всякое кощунство, есть форма богопочитания» [22. С. 311]. Эту мысль – кощунство как богопочитание – мы встретим у Бахтина в его исследовании народно-смеховой культуры Средневековья и Ренессанса. Мы находим эту мысль и у Ницше в описании «Праздника осла» из «Так говорил Заратустра». В этом же произведении немецкий философ скажет: «Fluch ist auch ein Segen» [23. S. 611] – «Проклятие есть тоже благословение».

Если норма представляет собой абсолютно ненарушимую границу, то она превращается в абстрактную догму, отвлеченный принцип – в каменную статую. Человек в этом случае просто лишен свободы, лишен выбора, следовательно, его подчинение норме лишено нравственной ценности. Человек поступает нравственно только тогда, когда соблюдение нормы не является результатом принуждения и отсутствия выбора. Для этого нормы должны быть в принципе нарушаемыми – человек должен брать на себя задачу проверки моральных ценностей на прочность, он должен осуществлять трансгрессию установленных границ. Трансгрессия позволяет высветить открытый и подвижный характер границ и обнаружить нравственную свободу человека оставаться в пределах этих границ по своему выбору. В этом смысле пушкинский Дон Гуан – трансгрессивный персонаж, функция которого заключается в нарушении норм и преступании границ: «Дон Гуан – гений, рвущийся нарушать нормы, разрушать любые пределы именно потому, что они пределы» [8. С. 164].

Таковы философские аспекты предложенного Лотманом подхода к прочтению наследия Пушкина. Дополнительные характеристики феномена нарушения границ в художественном тексте могут быть эксплицированы на материале лотмановского анализа творчества Н.В. Гоголя.

Трансгрессия в художественной прозе Н.В. Гоголя

Анализируя специфику художественного пространства произведений Гоголя, Лотман уделяет особое внимание феномену границы. В «Старосветских помещиках» и «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» пространственные границы приобретают фиксированный и непреодолимый характер. Граница здесь отделяет внутренний мир от внешнего, пространство своего – от чужого. Границы могут умножаться, образуя своеобразные защитные пояса: «Жилище старосветских помещи-

ков – особый мир с кольцеобразной топографией, причем каждое из колец – это особый пояс границы, которая чем ближе к центру, тем недоступнее для внешнего мира» [8. С. 316]. Как показывает Лотман, внешний мир – это не продолжение внутреннего, но иной мир, основная характеристик которого – отсутствие границ, безграничность. Безграничность внушает страх и делает переход границ нежелательным и недопустимым. Нарушение границ, отделяющих внутренний мир от внешнего, возможно только в одном модуле: в качестве катастрофы, гибели и разрушения. Таким образом, трансгрессия здесь получает сугубо негативную оценку, она выносится вовне, ее стараются всячески избежать. Однако трансгрессия как нарушение границ есть не что иное, как *событие* в художественном тексте. Отрицание трансгрессии равнозначно отрицанию событий. Отсюда возникает такая черта произведений Гоголя, как бессобытийность – «невозможность совершения событий» [Там же. С. 319].

Событие связано с категориями времени и становления. Именно эти категории подлежат элиминации в «Старосветских помещиках». Лотман говорит в этой связи о принципе ахронности: «...все действия отнесены не к прошедшему и не настоящему времени, а представляют собой многократное повторение одного и того же» [Там же]. Внутренний мир старосветских помещиков в своей замкнутости, отграниченности и недоступности времени и становлению подобен бытию Парменида. Вычленение из потока становления вневременного, вечного и неизменного является основной чертой метафизики. Такова судьба античной и европейской метафизики: поиск вечных и универсальных основ мироздания привел к резкому отграничению мира субстанций от мира становления. В философии Нового времени эта метафизическая конструкция была подвергнута критике в учении Г.В.Ф. Гегеля. Гегель показал, что внутреннее и внешнее, ограниченное и безграничное в действительности не отделены друг от друга, но характеризуются способностью к взаимопереходу. Гоголь, пользуясь не отвлеченными философскими категориями, но бытовыми образами, раскрывает бесперспективность установки на полагание жестких и фиксированных границ, отделяющих внутреннее от внешнего. Мир, замкнутый в непреодолимые границы, является иллюзорным и фиктивным. Подлинная жизнь проходит где-то там, за пределами искусственно сконструированных границ.

В «Миргороде» статус трансгрессии существенно меняется. Здесь именно нарушение границ становится главным сюжетобразующим компонентом. В «Тарасе Бульбе» выход в подлинную, безграничную и становящуюся жизнь осуществляется посредством уничтожения границ – пространственных, правовых, политических. «Понятие границы и отграниченного пространства вводится лишь затем, чтобы его нарушить и сделать переход не просто движением, а *освобождением*, актом воли. <...> Одновременно происходит разрушение собственности, вещей, жилища (которые выступают здесь как синонимы и образуют архисему с признаком пространственной отгороженности и зафиксированности) и переход к движению

(«садились на коня»)» [8. С. 327]. Таким образом, в «Тарасе Бульбе» трансгрессия выступает одновременно в качестве основного принципа пространственной организации сюжета и в качестве содержания идейного пласта повести. Безграничность пространства не просто утверждается как некая данность, но дана как результат движения, трансгрессивного акта отрицания установленных границ: «Безграничность пространства строится так: намечаются некие границы, которые тотчас отменяются возможностью их преодоления. Пространство неуклонно расширяется. Так, все походы запорожцев – это выход пространства *за свои пределы*» [Там же. С. 328].

В «Вии» трансгрессия также выступает в качестве основного сюжетоорганизующего компонента. Однако меняется смысл данного феномена. Если в «Тарасе Бульбе» трансгрессия представлена как выход к действительной, не укладывающейся в искусственные границы и эти границы не признающей жизни, то в «Вии» трансгрессия приобретает значение смерти и связанного с ней мира inferнальных сил. Вызвано это с тем, что здесь трансгрессия достигает максимальных пределов и скоростей, которые оказываются несоизмеримы с существованием человека. Мир «Вия» – «это мир не зафиксированный, движущийся, в котором все может перейти во все» [Там же. С. 331]. Переход всего во все – это формула для абсолютной трансгрессии. Такая трансгрессия, подобная гераклитовскому потоку или анаксагорову хаосу, оказывается столь же неприемлемой для жизни, как и замкнутость в непреодолимых границах: «Пространственный облик двух миров формирует особые нормы присущего им существования. И те и другие, при всей их противоположности, нечеловечны и влекут к гибели: один мир убивает человека своей закостенелостью, другой – своей бескрайностью и текучестью. В космическом мире “Вия” человек не может существовать потому, что здесь сняты все пограничные столбы и все качества амбивалентны. Так, синонимичны смерть, жизнь и любовь» [Там же].

Сопоставление смыслового наполнения трансгрессии в «Тарасе Бульбе» и «Вии» позволяет выявить амбивалентный характер данного феномена. Трансгрессия может выступать как в качестве утверждения, освобождения жизни, так и в качестве ее отрицания, уничтожения. Различие здесь заключается в степени интенсивности трансгрессивного движения. Нарушение некоторых искусственно сконструированных границ может способствовать достижению чувства полноты и свободы жизни. Но нарушение фундаментальных границ, составляющих основу человеческого бытия, приводит к переходу жизни в свою противоположность. Здесь трансгрессия выступает уже не как выход в наполненную многообразными возможностями безграничность, но как падение в бездну: «Беспредельное расширение пространства, превращаясь из области простора и свободы в бездонность, невозможную для жизни, получает в творчестве Гоголя (что заметил еще А. Белый) устойчивое пространственное изображение: бездна, провал» [Там же. С. 333].

В «Мертвых душах» трансгрессия приобретает еще одну существенную характеристику: она связы-

вается с образом дороги и пути. В результате этого сочетания возникает феномен направленной трансгрессии. Согласно Лотману, «Тарас Бульба не имеет своего пути – внутреннего становления, выражаемого в категориях пространства» [8. С. 337]. Трансгрессия здесь не направленная, границы нарушаются ради самого события нарушения границ и утверждения безграничности жизни как таковой. Направленная трансгрессия, напротив, осуществляет нарушение установленных границ в ходе движения к некоей (пусть и не всегда четко определенной) цели. Герой не замыкается в границах, но проходит через них, потому что он еще не достиг собственных пределов, но находится в процессе становления, роста, поиска самого себя. Хотя Чичиков и не имеет никаких высоких целей, но, в отличие от других персонажей «Мертвых душ», он еще не остановился. Отсутствие фиксированной пространственной локализации означает одновременно и отсутствие внутренней завершенности и однозначной определенности: «Он еще не застыл, и автор надеется временное и эгоистическое движение превратить в непрерывное и органичное» [Там же. С. 344].

Таким образом, можно сделать вывод, что в прозе Гоголя трансгрессия одновременно является как основой поэтики, так и выражает основное содержание художественного мировоззрения писателя, которое по своему характеру родственно философии жизни. Таким представляется художественный мир Гоголя в интерпретации Лотмана.

Границы семиосферы и трансгрессия

Семиосфера представляет собой сложное единство и взаимодействие двух разнонаправленных тенденций: тенденции к унификации и интеграции, с одной стороны, и тенденции к дифференциации – с другой. В пространственной структуре семиосферы обе тенденции локализуются в таких областях, как центр и периферия. В центре устанавливаются семиотическое единообразие и фиксированная определенность. Здесь конституируется смысловая и знаковая самоидентичность предметов, формируются идентичности, устанавливаются нормы и законы. Однако центральная область семиосферы утрачивает способность к движению, генерации новых смыслов и значений: «В результате в центре культурного пространства участки семиосферы, поднимаясь до уровня самоописания, приобретают жестко организованный характер и одновременно достигают саморегулировки. Но одновременно они теряют динамичность и, исчерпав резерв неопределенности, становятся негибкими и неспособными к развитию» [22. С. 191]. Резерв неопределенности и семиотическая динамичность сохраняются на периферийных участках семиосферы. Удаленность от центра и близость к границам порождают семиотическое многообразие, открытость и текучесть смыслов и значений. Связано это с тем, что именно границы являются в структуре семиосферы «наиболее “горячими” точками семиобразовательных процессов» [Там же. С. 196].

Граница семиосферы представляет собой сугубо трансгрессивный феномен: отделяя внешнее от внут-

ренного, чужое от своего, она одновременно выступает условием взаимопроникновения данных областей. Лотман отмечает: «Пересеченность семиотического пространства многочисленными границами создает для каждого движущегося в нем сообщения ситуацию многократных переводов и трансформаций, сопровождающихся генерированием новой информации, которое приобретает лавинообразный характер» [22. С. 201]. Таким образом, трансгрессия представляет собой неотъемлемый компонент семиосферы, обусловленный самой ее структурной организацией (центр – периферия – граница) и обеспечивающий подвижность и открытость ее структур.

Схема «центр – периферия – граница» является упрощенной моделью. В действительности семиосфера включает в себя множество подвижных центров, борющихся и взаимодействующих друг с другом, а разнообразные границы не только отделяют свое от чужого, но и пересекают внутреннее пространство семиосферы в различных направлениях. Это означает, что трансгрессия пронизывает все уровни семиосферы: «В разных аспектах одни и те же центры семиосферы могут быть одновременно и активно действующими, и “принимающими”, одни и те же пространства семиосферы могут в одних отношениях быть центрами, в других – периферией, влечения провоцируют отгалкивания, заимствования – самобытность. Пространство культуры – семиосфера – не есть нечто действующее по предначертанным и элементарно вычислимым путям. Оно кипит как Солнце, и, как на Солнце, в нем очаги возбуждения меняются местами, активность вспыхивает то в неведомых глубинах, то на поверхности и иррадирует энергию в относительно спокойные сферы» [Там же. С. 218].

Это трансгрессивное представление семиосферы обнаруживает разительное и значимое сходство с предложенным Ницше видением мира как воли к власти: «...это море бушующих сил и их потоков, вечно меняющееся, вечно возвращающееся, возвращающееся через огромное число лет приливом и отливом своих образов, перетекающее из самого простого в самое многообразное, из самого спокойного, застывшего, холодного – в самое раскаленное, дикое, противоречащее самому себе, а потом снова возвращающееся от полноты к простоте, от игры противоречий к наслаждению гармонией, утверждающее себя в этом подобии своих путей и лет, благоговяющее себя как то, что должно вечно возвращаться, как становление, не ведающее насыщения, пресыщения, усталости» [24. С. 549].

И дионисийская философия Ницше и семиотика Лотмана представляют собой порождение той культурно-философской парадигмы, которая сформировалась в качестве ответа на кризис метафизики. Мы попытались показать, что Лотману принадлежит значимое место в формировании и разработке данной парадигмы, что Лотман является не только литературоведом и семиотиком, но и крупным философом XX столетия⁶. Его концептуальные разработки характеризуются установкой на преодоление границ между внутренним и внешним, между субъектом и объектом [26]. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод, что философские взгляды Лотмана не ограничиваются рамками одного структуралистского направления.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ю.М. Лотман ссылается на «Слова и вещи» М. Фуко во французском оригинале. В частности, в книге «Внутри мыслящих миров» ссылка на данную работу дается в контексте анализа удвоения образа в живописи [18. С. 87]. В целом обратить внимание следует на следующий момент: концептуальные разработки Лотмана в области семиотики актуализируют проблему границы и ее нарушения. Данное обстоятельство обнаруживает влияние того перехода от структурализму к постструктурализму, который был осуществлен Фуко именно в «Словах и вещах».
- ² В современном литературоведении данные моменты получили разностороннее отражение в работах таких исследователей, как С.Н. Бройтман [11], Н.Д. Тмарченко [12], В.И. Тюпа [13].
- ³ Об отношении Лотмана к идеям Бахтина см. в работе Н.С. Автономовой [2. С. 184–203]. Бахтину посвящен один из выпусков «Грудов по знаковым системам» [15].
- ⁴ В качестве особенности поэтического языка в целом данный феномен был проанализирован Ю.Н. Тыняновым [18].
- ⁵ О связи Ю.М. Лотмана со структурализмом см., например, [19].
- ⁶ См. также статью, в которой проводится параллель между разработками Ю.М. Лотмана и учением И. Канта и теорией В.И. Вернадского [25]. В свою очередь, мы выявляем связь семиотических и литературоведческих исследований Ю.М. Лотмана с неклассическими философскими учениями, проводим параллели с философией Ф. Ницше и постструктуралистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Делез Ж. Логика смысла. М. : Академический проект, 2011. 472 с.
2. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон–Бахтин–Лотман–Гаспаров. М. : РОССПЭН, 2009. 503 с.
3. Фаритов В.Т. Философские аспекты творчества М.М. Бахтина: онтология трансгрессии // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 140–150.
4. Frese T., Hoffmann A. *Habitus: Norm und Transgression in Bild und Text; Festgabe für Lieselotte E. Saurma-Jeltsch*. Berlin : Akademie-Verlag, 2011. 436 s.
5. Stallybrass P., White A. *The Politics and Poetics of Transgression*. Ithaca, New York : Cornell University Press, 1986. 228 p.
6. Jenks Ch. *Transgression*. London ; New York : Routledge, 2003. vii+205 p.
7. Бахтин М. Проблема поэтики Достоевского. М. : Сов. Россия, 1979. 320 с.
8. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. СПб. : Азбука, 2015. 416 с.
9. Кибальник С.А. «Евгений Онегин» или «Евгений Лотман», или Миф о «поэтике противоречий» в пушкинском романе // Культура и текст. 2011. № 12. С. 161–182.
10. Балаклеец Н.А. Субъект и власть: эссенциализм и пути его преодоления в современной политической философии // Философия и культура. 2016. № 10. С. 1419–1429. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.10.17301.
11. Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики (Субъектно-образная структура). М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997. 307 с.
12. Тмарченко Н.Д. «Эстетика словесного творчества» М.М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция. М. : Изд-во Кулагиной, 2011. 400 с.
13. Тюпа В.И. Дискурсивные формации. Очерки по компаративной риторике. М. : Языки славянской культуры, 2010. 320 с.
14. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб. : Владимир Даль, 2004. 628 с.
15. Труды по знаковым системам VI : сб. науч. ст. в честь Михаила Михайловича Бахтина / отв. ред. Ю.М. Лотман. Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1973. 572 с.
16. Гукковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1957. 416 с.
17. Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль XX века. СПб. : Мифрил, 1994. С. 111–133.
18. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. М. : КомКнига, 2007. 184 с.
19. Соболев Д. Лотман и структурализм: опыт невозвращения // Вопросы литературы. 2008. № 3. С. 5–51.
20. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Эксмо, 2015. 640 с.
21. Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология. М. : Ладомир, 2006. 742 с.
22. Лотман Ю.М. *Внутри мыслящих миров*. СПб. : Азбука, 2014. 416 с.
23. Nietzsche F. *Gesammelte Werke*. Köln : Anaconda Verlag GmbH, 2012. 972 s.
24. Ницше Ф. Черновики и наброски 1884–1885 гг. // Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Культурная революция, 2012. Т. 11. 688 с.
25. Шелковников А.Ю. Ю.М. Лотман – философ // Преподаватель XXI век. 2012. Т. 1, № 3. С. 16–20.
26. Лотман Ю.М. *Культура как субъект и сама-себе объект* // Избранные статьи : в 3 т. Таллинн : Александра, 1993. Т. 3. С. 368–376.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 мая 2017 г.

SEMIOTICS OF TRANSGRESSION: YU.M. LOTMAN AS A LITERARY CRITIC AND PHILOSOPHER

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 60–66.

DOI: 10.17223/15617793/419/7

Vyacheslav T. Faritov, Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: vfar@mail.ru

Keywords: Yu.M. Lotman; transgression; border; semiosphere; A.S. Pushkin; N.V. Gogol; semiotics; literary criticism; philosophy.

The purpose of this article is to study the question of the interpenetration of literary criticism and philosophy on the basis of the analysis of the heritage of Yu.M. Lotman. The author justifies the position that the conceptual development and research of fiction by Lotman plays a significant role in the development of the post-metaphysical cultural-philosophical paradigm. The article shows that one of the central points of Lotman's works is the phenomenon of violation of boundaries, that is, transgression. Lotman's research allows to explicate various aspects of the phenomenon of transgression. The author proceeds from the premise that modern nonclassical philosophy arises from the crisis of the metaphysical paradigm and is characterized by the search for non-metaphysical methods of philosophizing. One of the options for post-metaphysical organization of philosophical discourse is the paradigm of transgression. This paradigm extends not only to philosophy, but also penetrates into literary criticism. Although Lotman himself did not use the term "transgression", the problem of the boundary and ways of breaking it (transgression) receives such careful elaboration in his books and articles and takes such a significant place that one can speak that it is transgressive phenomena in literature and culture that Lotman studied. Moreover, his study has both literary and philosophical significance. The article shows that M.M. Bakhtin revealed the multiplicity, not reducible to unity, as the main feature of the poetics of F.M. Dostoevsky. Lotman made a similar discovery on the material of the poetics of A.S. Pushkin's works. Lotman pays much attention to the analysis of the phenomena of violation of the border in artistic texts. Studies on the legacy of A.S. Pushkin are not exceptions in this regard. Works on Pushkin studies are

taken by the author as one of the most striking examples. Already in the first Russian novel, according to Lotman, we do not find a single author's position that subordinates all the content of the author's work. Instead, in *Eugene Onegin* we can observe a transgression of the author's position as a bearer of higher consciousness. Pushkin's novel in verse has no single and universal point of view. The author concludes that in Gogol's prose transgression is both the basis of poetics, and expression of the main content of the writer's artistic worldview, which in its nature is related to the philosophy of life. Such is the artistic world of Gogol in Lotman's interpretation. It is shown that the semiosphere includes a multitude of mobile centers struggling and interacting with each other, and diverse boundaries not only separate one from another, but also cross the internal space of the semiosphere in different directions. On the basis of the conducted research, it is concluded that the semiotics of Lotman is the product of the cultural and philosophical paradigm that was formed as a response to the crisis of metaphysics. The author of the article has tried to show that Lotman plays a significant role in the formation and development of this paradigm, that Lotman is not only a literary critic and an expert in semiotics, but also a major philosopher of the 20th century.

REFERENCES

1. Deleuze, G. (2011) *Logika smysla* [The logic of sense]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii proekt.
2. Avtonomova, N.S. (2009) *Otkrytaya struktura: Jakobson–Bakhtin–Lotman–Gasparov* [Open structure: Jakobson–Bakhtin–Lotman–Gasparov]. Moscow: ROSSPEN.
3. Faritov, V.T. (2016) The Philosophical Aspects of the Work of M. Bakhtin: Transgression Ontology. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 140–150. (In Russian).
4. Frese, T. & Hoffmann, A. (2011) *Habitus: Norm und Transgression in Bild und Text* [Habitus: norm and transgression in image and text]. Berlin: Akademie-Verlag.
5. Stallybrass, P. & White, A. (1986) *The Politics and Poetics of Transgression*. Ithaca, New York: Cornell University Press.
6. Jenks, Ch. (2003) *Transgression*. London; New York: Routledge.
7. Bakhtin, M. (1979) *Problema poetiki Dostoevskogo* [The problem of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Sov. Rossiya.
8. Lotman, Yu.M. (2015) *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol'* [In the school of the poetic word: Pushkin, Lermontov, Gogol']. St. Petersburg: Azbuka.
9. Kibal'nik, S.A. (2011) "Evgeniy Onegin" ili "Evgeniy Lotman", ili Mif o "poetike protivorechii" v pushkinskom romane ["Eugene Onegin" or "Eugene Lotman", or the Myth of "Poetics of Contradictions" in Pushkin's novel]. *Kul'tura i tekst*. 12. pp. 161–182.
10. Balakleets, N.A. (2016) Sub'ekt i vlast': essentsializm i puti ego preodoleniya v sovremennoy politicheskoy filosofii [The subject and power: essentialism and ways to overcome it in modern political philosophy]. *Filosofiya i kul'tura*. 10. pp. 1419–1429. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.10.17301.
11. Broymtan, S.N. (1997) *Russkaya lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoy poetiki (Sub"ektno-obraznaya struktura)* [Russian lyrics of the 19th – early 20th centuries in the light of historical poetics (the subject and image structure)]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
12. Tamarchenko, N.D. (2011) "Estetika slovesnogo tvorchestva" M.M. Bakhtina i russkaya filosofsko-filologicheskaya traditsiya ["The Aesthetics of Verbal Creativity" by M. Bakhtin and the Russian philosophical and philological tradition]. Moscow: Izd-vo Kulaginoy.
13. Tyupa, V.I. (2010) *Diskursnye formatsii. Ocherki po komparativnoy ritorike* [Discourse formations. Essays on the comparative rhetoric]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
14. Jaspers, K. (2004) *Nitszshe. Vvedenie v ponimanie ego filosofstvovaniya* [Nietzsche. Introduction to the understanding of his philosophizing]. Translated from German. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
15. Lotman, Yu.M. (ed.) (1973) *Trudy po znakovym sistemam VI* [Works on sign systems VI]. Tartu: Tartu State University.
16. Gukovskiy, G.A. (1957) *Pushkin i problemy realisticeskogo stilya* [Pushkin and the problems of realistic style]. Moscow: Gos. izd-vo khud. lit.
17. Foucault, M. (1994) O transgressii [On transgression]. Translated from French by S. Fokin. In: Fokin, S.L. (ed.) *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batay i frantsuzskaya mysl' XX veka* [Tanatography of Eros: Georges Bataille and the French thought of the twentieth century]. St. Petersburg: Mifril.
18. Tynyanov, Yu.N. (2007) *Problema stikhotvornogo yazyka* [The problem of the poetic language]. Moscow: KomKniga.
19. Sobolev, D. (2008) Lotman i strukturalizm: opyt nevozvrashcheniya [Lotman and structuralism: the experience of non-return]. *Voprosy literatury*. 3. pp. 5–51.
20. Bakhtin, M.M. (2015) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [Works of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Eksmo.
21. Bataille, G. (2006) *Proklyataya chast'. Sakral'naya sotsiologiya* [The Cursed Part. Sacred sociology]. Translated from French. Moscow: Ladimir.
22. Lotman, Yu.M. (2014) *Vnutri myshlyashchikh mirov* [Inside the thinking worlds]. St. Petersburg: Azbuka.
23. Nietzsche, F. (2012) *Gesammelte Werke* [Collected Works]. Köln: Anaconda Verlag GmbH.
24. Nietzsche, F. (2012) Chernoviki i nabroski 1884–1885 gg. [Drafts and sketches of 1884–1885]. In: Kolli, L. & Montinari, M. (eds) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols]. Translated from German by V. Bakusev. Vol. 11. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
25. Shelkovnikov, A.Yu. (2012) Yu.M. Lotman – filosof [Yu.M. Lotman, the philosopher]. *Prepodavatel' XXI vek*. 1:3. pp. 16–20.
26. Lotman, Yu.M. (1993) *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected articles: in 3 vols]. Vol. 3. Tallinn: Aleksandra. pp. 368–376.

Received: 05 May 2017